

Г. ФОГТ

ИНДООЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ И СРАВНИТЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

Проблема родства кавказских языков между собой и их возможных связей с некавказскими языками является старой проблемой, которая не перестает привлекать внимание многих компаративистов.

Для того чтобы приблизиться к решению этой проблемы, необходимо прежде всего обладать наиболее полными сведениями об изучаемых языках. В этом отношении были достигнуты громадные успехи, начиная с замечательных работ Услара, особенно в последние двадцать лет. Нет ни одного кавказского языка, используемого в наши дни на Кавказе, который был бы полностью неизвестен. Обо всех этих языках, носителями которых являются большие и малые народы, мы располагаем достаточными сведениями, чтобы составить общую картину о структуре их фонемной и морфологической систем. Это особенно бросается в глаза, если сопоставить книгу А. Дирра «Введение в изучение кавказских языков» (1928) с описаниями, содержащимися в томе V серии «Языки народов СССР» (1967). Для многих из этих языков мы располагаем монографиями, содержащими детальное описание их строя, а также тексты и словари. Таким образом, мы находимся в несравненно лучшем положении, чем наши предшественники 50 лет назад.

Вполне естественно поэтому, что такой журнал, как «Вопросы языкознания», взял на себя инициативу обсуждения основных точек зрения специалистов в отношении этих языков. Ниже будут сформулированы некоторые наблюдения, не претендующие, конечно, на какие-либо окончательные выводы.

Проблема, обсуждающаяся в журнале, имеет сторону, которая, видимо, не привлекала должного внимания. Авторитет сравнительных методов в лингвистике опирается главным образом — и вполне заслуженно — на блестящие результаты, полученные при изучении древних индоевропейских языков. Изучение этих языков позволило нам не только убедительно доказать, что они имеют общее происхождение, но и реконструировать в общих чертах с большой степенью вероятности систему общиндоевропейского — протоиндоевропейского (ПИЕ). Вопрос, который хотелось бы здесь поставить, следующий: можно ли использовать эти методы с такими же шансами на успех во всех случаях, где есть основание предполагать общее происхождение изучаемых языков? Или: можно ли считать, что указанные методы дали замечательные результаты только потому, что в случае индоевропейских языков существовали особо благоприятные условия исследования, которые вряд ли можно ожидать во всех других случаях?

Имеется много примеров удачного использования этих методов за пределами индоевропейского, например, в области финно-угорских, семитических, дравидийских языков, языков Северной Америки и т. д., хотя результаты не всегда отличаются такой ясностью, как в отношении индо-

ропейского. Однако есть также факты самых разнообразных языков, которые заставляют нас серьезно рассмотреть вторую возможность.

В индоевропейских языках можно констатировать, что несмотря на все инновации, характеризующие каждый из них, все они сохраняют с давнего времени, часто даже в наши дни, именные и глагольные формы, родство которых настолько очевидно, что предположение об их общем происхождении напрашивается само собой. Даже в тех случаях, когда система того или иного из них претерпела глубокие изменения, они сохраняют архаизмы, «нерегулярные формы», которые позволяют нам восстановить первоначальную систему. Это относится не только к фактам структурного характера, но также к материальной стороне выражения, к фонемной форме корней и к элементам флексий. В отношении морфем, принадлежащих к основным слоям лексики, можно, переходя от языка к языку, установить регулярные фонемные соответствия в количестве, достаточном для исключения всех сомнений в их правомерности. Приведем небольшой известный пример: тот факт, что в древнеармянском мы находим *erku* «два», *erkotasan* «двенадцать» и *erkič's* «два раза» с единственным даже в ПИЕ чередованием гласных *ō/oi* делает очевидной этимологию (*erku* < **dwō*, *erko-* < **dwo*, *erki-* < **dwi-*), которая с первого взгляда кажется странной.

В индоевропейском имеется много фактов (регулярных и нерегулярных) такого же порядка, которые облегчают задачу компаративиста, например, структура корня, явление апофонии, синкретизм и асимметрия именных парадигм, особое положение основ на *-o-*, чередование *-r/n-* в некоторых основах среднего рода, противопоставление первичных и вторичных окончаний в глагольном склонении, существование носовых инфиксов и аугмента и т. д. Именно наличие в хеттском и тохарском языках особенностей такого рода, не оставляет никакого сомнения в индоевропейском характере этих языков, несмотря на расхождения в их словарном составе.

Восходящая к глубокой древности разбросанность индоевропейских языков, от Атлантики на Западе до Индийского океана на Востоке, также является благоприятным фактором с определенной точки зрения. Замечательные совпадения в религиозном словаре санскрита и латыни можно объяснить лишь их общим происхождением. Гипотеза о возможности заимствований из одного языка в другой представляется абсурдом в связи с большим расстоянием, которое их разделяет. Иное дело, когда речь идет о соседних языках, которые имели оживленные контакты между собой в течение веков или тысяч лет. Здесь различие между унаследованными и заимствованными элементами с трудом поддается определению.

Наконец, единственная в своем роде структура общиндоевропейского, замечательный архаизм языков, засвидетельствованных в историческую эпоху, и физическая распыленность их, часто ведущие к нарушению непосредственных контактов, — вот особо благоприятные условия, дающие возможность доказать общее происхождение и реконструировать, по крайней мере частично, ПИЕ. Такие условия встречаются не часто.

Вернемся к кавказским языкам. Эти многочисленные языки (в указанном сборнике «Языки народов СССР» перечисляются 36 таких языков) распространены на относительно небольшом ареале. Важно подчеркнуть, что такая языковая раздробленность не является недавней. Древние авторы, особенно Страбон и Плиний, указывают на цифры, превосходящие современное число кавказских языков. Изучение древних источников говорит о том, что раздробленность была еще больше, особенно в западном районе. Если, таким образом, указанные языки признать родственными, т. е. если все они восходят к одному языку-основе или к нескольким таким языкам, то исследователю потребуется заглянуть очень далеко в прошлое, чтобы обнаружить первоначальное единство, возможно во второе или

третье тысячелетие до нашей эры. Для всех этих языков, которые, за исключением грузинского, известны лишь в своей современной форме, компаративисты должны были бы исследовать период существования соответствующих языков, равный четырем или пяти тысячелетиям. Можно себе представить трудности, с которыми нам пришлось бы столкнуться для доказательства общего происхождения языка бенгали и современного ирландского языка, если бы у нас не было древних текстов, представляющих промежуточные стадии развития между ПИЕ и современным состоянием.

Наряду с важностью фактора времени большое значение приобретает фактор пространства: эти разноязычные народы с незапамятных времен живут бок о бок в тесном симбиозе, включающем регулярные контакты, как мирные, так и военные. Билингвизм (и даже трилингвизм), видимо, всегда был обычным, по крайней мере, для мужского населения. Какими бы ни были родственные исторические связи, подобное положение создает идеальные условия для взаимных языковых интерференций, идеальную почву для распространения инноваций, для заимствований, словом, для конвергенции или параллелизма в развитии этих языков, для создания языкового союза (Sprachbund). Влияние языкового окружения поразительно даже в случае такого сравнительно недавнего «пришельца», как осетинский язык.

Природа лингвистических систем этих языков, как представляется, не благоприятствует исследованию общего происхождения и предположению, что таковое вообще имелось. Не входя в подробности, рассмотрим несколько аспектов именного склонения. Оно фактически не существует в северо-западных языках, отличается сравнительной простотой в картвельских языках, еще большей простотой в общекартвельском, очень развито в северо-восточных языках, в нахских и дагестанских языках. Если сравнить именное склонение этих последних с именным склонением древних индоевропейских языков, то разница бросается в глаза. В индоевропейском первоначальная система падежей претерпела значительные изменения во всех языках в процессе их истории, а в большинстве языков подверглась радикальному упрощению. Это, однако, не мешает нам реконструировать в общих чертах первоначальную систему и первоначальную форму большинства окончаний. Подобная задача была бы невозможной для дагестанских языков. Даже в случае очень похожих систем аварского и лакского языков, каждая из которых имеет от 40 до 50 падежей, мы не можем подойти к их общему гипотетическому происхождению. Во всех северо-восточных языках падежное окончание -s, может, в зависимости от языка, выражать дательный, эргативный, творительный и отложительный падежи (в картвельских языках — дательный). Можно было бы допустить, что все эти очень сложные системы возникли сравнительно недавно, что они представляют результат большого количества частных инноваций по отношению к очень простой первоначальной системе. Такая гипотеза весьма вероятна, но при отсутствии материальных соответствий ее очень трудно, а может быть, и невозможно доказать. Следовательно, мы имеем дело с более или менее изоморфными системами, выражаемыми различными фонемными средствами. Таким образом, общая или частичная идентичность структуры не означает исторического родства и может отражать конвергенцию систем самого различного происхождения.

Этимологий, охватывающих весь кавказский ареал, немного, и они отличаются от индоевропейских этимологий. Прежде всего они строятся, как правило, на основе сопоставления одного консонантного элемента, реже на основе двух таких элементов, что, видимо, увеличивает риск чисто случайного сходства; кроме того, фонемные соответствия, вскрываемые при изучении одних из этих этимологий, не всегда покрываются фонемными

соответствиями, вытекающими из других этимологий. Возьмем известный пример: во всех кавказских языках слово, обозначающее «сердце», содержит общий элемент — задний смычный, т. е. в зависимости от языка, постпалатальный или веларный, лабиализованный или палатализованный, глоттализированный или сонорный. Эти соответствия не обнаруживаются в других из предложенных этимологий.

Мы имеем здесь дело скорее с фонетическими соответствиями, чем с фонемными. Эти трудности возникают даже тогда, когда мы сопоставляем языки внутри более узкого ареала, например, языки Дагестана. Вот что говорит грузинский лингвист Ш. Г. Гаприндашвили: «При изучении фонетических соответствий дагестанских языков необходимо отметить тот факт, что мы располагаем очень небольшим количеством примеров, в которых соответствия имеют регулярный характер во всей совокупности изучаемых материалов. Более часты случаи, когда для того или иного звука соответствие имеет регулярный характер лишь в части лексики родственных языков, тогда как в другой части лексики таких соответствий не обнаруживается или мы находим там совершенно иные соответствия. Это обстоятельство является причиной спорадического характера значительного числа фонетических соответствий: если такие соответствия обнаруживаются в ряде слов, то мы не находим их в другом ряду родственных слов»¹.

Если положение таково в группе языков, родственность которых несомненна, вполне понятно, что оно не будет более легким в языках, принадлежащих к трем или четырем группам, общее происхождение которых мы попытались бы доказать. Но отказавшись от установления регулярных фонемных соответствий, то мы в то же время откажемся от использования классических компаративистских методов.

По указанному выше причинам представляется маловероятным, что в результате анализа можно прийти к основному доказательству общего происхождения изучаемых языков. Речь идет о протокавказском, который можно было бы датировать третьим тысячелетием до нашей эры. Если исходить из возможности наличия протокавказского, то можно надеяться свести кавказские языки к трем или четырем группам, картвельские языки — к южнокартвельским, абхазско-адыгские — к языкам северо-запада, нахские и дагестанские — к языкам северо-востока. Историческое родство двух последних групп является соблазнительной гипотезой, а предположение о родстве двух первых групп в равной мере естественно.

Представляется, однако, что упорный поиск общего происхождения, увлечения «протоязыками» создают опасность заслонить от нас другие направления исследований, видимо, более плодотворные. Мы рискуем запутаться в массе гипотез, которые нельзя проверить, т. е. рискуем возвращаться в сферу абсолютной произвольности. Нужно, несомненно, продолжить уже начатые работы, посвященные связям языков, родство которых почти очевидно; однако необходимо спросить себя, не пришло ли время самым последовательным образом воспользоваться методами ареальной лингвистики. Создание карт и лингвистических атласов могло бы нам указать на области распространения фонемных, морфологических, синтаксических и лексических признаков.

При изучении этих карт и пучков изоглосс можно надеяться установить наиболее важные центры инноваций и маргинальные ареалы и получить более ясное общее представление о процессах лингвистической интерференции, которые, вероятно, происходят в течение тысячелетий и, очевидно, лежат в основе относительного единства языков, называемых кавказ-

Ш. Г. Гаприндашвили, О нахско-дагестанских звукосоответствиях, сб. «Иберийско-кавказское языкознание», VI, 1954, стр. 282 (на груз. языке).

еками. В этой связи самой неотложной задачей является публикация лексических материалов. Большую ценность представили бы сравнительные словари языков Дагестана и других групп языков.

Изучая изоглоссы, которые пересекаются в кавказском ареале, можно было бы обнаружить, что определенное количество среди них выходит за пределы Кавказа и соединяет кавказские языки с соседними некавказскими языками. Как известно, осетинский и некоторые армянские диалекты, распространенные в Грузии, имеют много кавказских черт как в морфологии, так и в синтаксисе².

Это заставляет сказать несколько слов о южнокавказских языках, а именно картвельских. Среди кавказских языков эти языки занимают особое положение, ибо историю одного из этих языков, грузинского, можно проследить шаг за шагом, от одного века к другому, в течение 1500 лет. До того, как появились первые тексты, грузины имели контакты с цивилизованными народами, носителями таких языков, как греческий, персидский, армянский, не говоря уже об азиатических языках типа хаддского, хурритского, хеттского и т. д. Нет сомнения в том, что древнегрузинский отличается от других кавказских языков целым рядом особых черт, которые в то же время сближают его с соседними индоевропейскими языками — греческим и армянским. Можно указать на оппозицию актива и пассива в глаголе, которая насаивается на оппозицию переходности — переходности, характерную для кавказских языков; можно указать на поразительное отсутствие эргативной конструкции в настоящем времени, на оппозицию изъявительного — сослагательного наклонений, практически идентичную оппозиции, существовавшей в классическом армянском (в обоих языках сослагательное наклонение использовалось для выражения будущего); можно указать на различие в 3-м лице глагольных окончаний настоящих и прошедших времен (-s, мн. число -en в настоящем времени и в сослагательном наклонении, -a, мн. число -es в прошедших временах) — это различие напоминает оппозицию первичных и вторичных окончаний в индоевропейском; в области имени можно указать на существование целой системы относительных местоимений и на оппозицию главных и придаточных предложений.

По отношению к общекартвельскому эти черты могут быть вторичными, обусловленными влиянием соседних индоевропейских языков, особенно греческого. Имеются другие более глубокие структурные сходства, которые, очевидно, восходят к общекартвельскому. Эти сходства были освещены в работе «Система сонантов и аблаут в картвельских языках» (Тбилиси, 1965) Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани³. Указанная работа возбудила значительный интерес за пределами узкого круга кавказоведов. Следует подчеркнуть, что большая часть книги (стр. 1—365) посвящена общекартвельскому и тем инновациям, которые характеризуют более поздние диалекты — сванский, мингрело-лазский и грузинский. Наблюдения и выводы авторов представляют собой огромный шаг вперед для понимания диахронического развития картвельских языков. Типологические сопоставления с индоевропейским даются лишь в виде приложения к книге

² См.: Н. V o g t, Substrat et convergence dans l'évolution linguistique. Remarques sur l'évolution et la structure de l'arménien, du géorgien, de l'osète et de turc, «Studia Septentrionalis», II, Oslo, 1945. Шведский лингвист Н. Холмер задается целью установить такой тип языкового единства, который охватывал бы кавказские языки, баскский и шумерский (см.: N. H o l m e r, Ibero-Caucasian as a linguistic type, сб. «Studia linguistica», I, 1, Lund, 1947).

³ Я выразил принципиальное согласие с тезисами авторов в своей рецензии в журнале «Вопросы языкознания» (1966, 6), где также сформулировал несколько частных критических замечаний.

и занимают всего несколько страниц (стр. 365—378). Авторы считают, что класс сонантов, который они установили для общекартвельского, и структура комплекса «корень — суффикс» поразительным образом напоминают индоевропейские факты, которые были интерпретированы Э. Бевенистом в его известной работе «Origines de la formation des noms en indoeuropéen» (Paris, 1935). Параллелизм поразителен, и большая заслуга авторов состоит в том, что они так наглядно показали этот «изоморфизм». Какое значение следует придавать этому изоморфизму? Думается, не следует преувеличивать его важность. То, что сонанты имеют вокалические и консонантные формы в языке, характеризующемся аффиксами и подвижным ударением, объясняется прежде всего физической природой этих звуков. Параллелизм с индоевропейским здесь не является столь разительным, как это можно было бы предполагать. В нашей рецензии на эту работу обращается внимание на различия с индоевропейским, которые никак нельзя игнорировать (видимое отсутствие в картвельских языках или, во всяком случае, редкость чередований *i/ei/oi, u/ew/ow*, столь характерных для ПИЕ). Вокалические чередования типа *dér-k/dr-ék-/dr-k-*, представляющие собой архаизм, играют определенную роль только в глагольной системе (в системе имени они неизвестны), причем эти чередования встречаются в очень ограниченном числе глаголов⁴. Что же касается роли этих чередований в самом ПИЕ, то выражалось сомнение в их общем характере. Представляется, что они покрывают лишь небольшую часть индоевропейского словаря, как это убедительно доказывает Р. Анттила в своей недавней работе⁵.

Если учесть, что этот изоморфизм общекартвельского сочетается с наличием значительного слоя лексических заимствований из картвельского в один или несколько индоевропейских языков, можно сделать вывод о длительных и тесных контактах этих языков, происходивших в очень древнюю эпоху, предшествовавшую контактам с иранскими языками. Показательно, что археолог Г. А. Меликишвили допускает наличие таких контактов, относимых им к концу третьего и началу второго тысячелетия до нашей эры⁶. То, что такое древнее индоевропейское влияние должно было быть достаточно сильным, кажется весьма вероятным, независимо от того, идут ли исследователи настолько далеко, что говорят о Sprachbund, или не делают этого. Такое влияние могло бы объяснить несколько периферийное положение картвельского среди других кавказских языков. С другой стороны, число изоглосс, которые связывают картвельские с другими кавказскими языками, родственными или неродственными, вероятно, больше, чем число изоглосс, образующих этот Sprachbund.

Перевел с французского М. М. Маковский

⁴ Большинство этих глаголов указано в ст.: Н. Vogt, Les suffixes verbaux du géorgien ancien, NTS, XIV, 1947.

⁵ R. Anttila, Proto-Indo-European Schwebelaut, «University of California Publications», 58, 1969.

⁶ Г. А. Меликишвили, К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказ и Ближнего Востока, Тбилиси, 1965.